

Максим Горький

Дружки

Максим Горький

Дружки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625465

Аннотация

«Одного из них звали Пляши-нога, а другого – Уповающий; оба они были воры.

Жили они на окраине города, в слободе, странно разметающейся по оврагу, в одной из ветхих лачуг, слепленных из глины и полусгнившего дерева, похожих на кучи мусора, сброшенные в овраг. Воровать дружки ходили в ближайшие к городу деревни, ибо в городе воровать трудно, а в слободке у соседей украсть было нечего...»

Максим Горький

Дружки

Одного из них звали Пляши-нога, а другого – Уповающий; оба они были воры.

Жили они на окраине города, в слободе, странно разметавшейся по оврагу, в одной из ветхих лачуг, слепленных из глины и полусгнившего дерева, похожих на кучи мусора, сброшенные в овраг. Воровать дружки ходили в ближайшие к городу деревни, ибо в городе воровать трудно, а в слободке у соседей украсть было нечего.

Оба они люди скромные: стащат кусок полотна, армяк или топор, сбрую, рубаху или курицу и уже долго потом не посещают деревню, в которой им удалось что-нибудь «слямзить».

Но, несмотря на такой умный образ действий, подгородные мужики хорошо знали их и грозились, при случае, избить до смерти. Однако такого случая не представлялось мужикам, и кости двух друзей были целы, хотя уже лет шесть кряду друзья слушали угрозы мужиков.

Пляши-нога был человек лет сорока, высокий, сутулый, худой и жилистый. Он ходил, опустив голову к земле, заложив за спину длинные руки, шагая неторопливо, но широко, и на ходу он всегда оглядывался по сторонам озабоченно прищуренными, беспокойно зоркими глазами.

Волосы на голове он стриг, бороду брил; густые, сивые

солдатские усы закрывали ему рот, придавая лицу его ощерившееся, суровое выражение. Левая нога у него, должно быть, была вывихнута или сломана и срослась так, что стала длиннее правой; когда он, шагая, поднимал её, она у него подпрыгивала в воздухе и виляла в сторону; эта особенность походки и дала ему прозвище.

Уповающий был старше товарища лет на пять, ниже ростом, шире в плечах. Он часто и глухо кашлял, лицо его, скуластое, обросшее большой чёрной с проседью бородой, покрывала болезненная желтизна. Глаза у него большие, чёрные, а смотрели виновато, ласково. На ходу он складывал губы сердечком и тихо насвистывал песню, печальную, всегда одну и ту же. На плечах у него болталась короткая одёжина из разноцветных лохмотьев – что-то похожее на ватный пиджак; а Пляши-нога ходил в длинном сером кафтане, подпоясанном кушаком.

Уповающий был крестьянином, его товарищ – сын пономаря, бывший лакей и маркёр. Их всегда видели вместе, и крестьяне говорили при виде их:

– Опять дружки появились – гляди в оба!

А дружки шли где-нибудь просёлочной дорогой, зорко поглядывая по сторонам и избегая встреч. Уповающий кашлял и насвистывал свою песню; а нога его товарища плясала в воздухе, как бы стремясь оторваться и убежать в сторону с опасного пути своего хозяина. Или они лежали где-нибудь на опушке леса, во ржи, в овраге и тихо разговаривали о том,

как украсть, чтобы поесть.

Зимою даже и волки, – более приспособленные к борьбе за свою жизнь, чем два друга, – плохо живут. Тощие, голодные и злые, они рыскают по дорогам, и хотя их убивают, но – боятся: у них есть когти и зубы для самозащиты, сердца их ничем не смягчены. Последнее очень важно, ибо для того, чтобы побеждать в борьбе за существование, человек должен иметь или много ума, или сердце зверя.

Зимою друзьям приходилось плохо; зачастую оба они выходили по вечерам на улицы города и просили милостыню, стараясь не попадаться на глаза полиции.

Очень редко удавалось им украсть что-нибудь; ходить по деревням неудобно и холодно, и на снегу оставались следы, да и бесполезно посещать деревни, когда всё в них заперто и занесено снегом. Много сил теряли товарищи зимой, борясь с голодом, и, может быть, никто не ждал весны так жадно, как они ждали её...

Но вот, наконец, подходила весна. Они, истощённые, полубольные, вылезали из своего оврага, радостно смотрели на поля, где с каждым днём быстрее таял снег, являлись бурые проталины, лужи блестели, как зеркала, и весело журчали ручьи. Солнце лило на землю свои тёплые ласки, оба друга грелись в его лучах, рассуждая о том, как скоро просохнет земля и когда, наконец, можно будет идти по деревням «стрелять». Часто Уповающий, страдавший бессонни-

цей, будил своего друга ранним утром и радостно объявлял ему:

– Эй! Вставай – грачи прилетели!

– Прилетели?

– Ей-богу! Слышишь, галдят?

Выйдя из своей лачуги, они со вниманием и подолгу следили, как чёрные вестники весны вили новые гнёзда, исправляли старые, наполняя воздух громким, озабоченным криком...

– Теперь за жаворонками очередь, – говорил Уповающий, принимаясь чинить старую, полусгнившую сеть.

Являлись жаворонки; товарищи шли в поле, ставили сеть на одной из проталин и, бегая по полю, мокрые и грязные, гнали под сеть голодных и утомлённых перелетом птиц, искавших корма на сырой, только что освободившейся из-под снега земле. Наловив птичек, они продавали их по пятаку и гривеннику за штуку. Потом являлась крапива, которую они собирали и тащили на базар торговкам овощами. Почти каждый день весны давал им что-нибудь новое, – новый, хотя и маленький заработок. Они умели всем пользоваться: верба, щавель, шампиньоны, земляника, грибы – ничто не миновало их рук. Солдаты выходили на стрельбу, – друзья, после окончания стрельбы, рылись в валах, отыскивая пули, которые потом продавали по двенадцати копеек за фунт. Все эти занятия, хотя и не позволяли друзьям умереть с голоду, но очень редко давали им возможность насладиться чувством

сытости, – приятным чувством полноты желудка и горячей работой его над проглоченной пищей.

Однажды, в апреле, когда на деревьях ещё только наливаются почки и леса стоят подёрнутые сизым сумраком, а на бурых, жирных полях, облитых солнцем, чуть-чуть пробивается трава, – друзья шли по большой дороге, шли и, куря самодельные папиросы из махорки, разговаривали.

– Всё гуще ты кашляешь!.. – спокойно предупреждал Пляши-нога товарища.

– Это – наплевать!.. Вот солнышком меня подогреет – и я оживу...

– Мм... А то, может, сходить бы тебе в больницу...

– Ну! На что она мне? Коли помереть надо, и так помру.

– Это конечно...

Они шли мимо берёз по тракту, и берёзы бросали на них узорчатые тени своих тонких ветвей. Воробьи прыгали по дороге, оживлённо чирикавая.

– Ходить ты плохо стал, – помолчав, заметил Пляши-нога.

– Это оттого, что душит меня, – объяснил Уповающий. – Воздух теперь густой, жирный, ну и трудно мне глотать его. Он остановился, кашляя.

Пляши-нога стоял рядом с ним, курил и неопределённо смотрел на него. Уповающий трясся в припадке кашля, тёр грудь руками; лицо у него стало синим.

– Здорово продрало дыхалки-то, – сказал он, перестав

кашлять.

Пошли дальше, спугивая воробьев.

– Теперь мы двигаем на Мухину!.. – заговорил Пляши-нога, бросив папироску и сплюнув.

– Обойдём её по задворкам, – может, что накроем... Дальше – Сивцовой рощей на Кузнечиху...

С Кузнечихи на Марковку свернём... да и домой...

– Вёрст тридцать ходу будет, – сказал Уповающий.

– Лишь бы не даром...

Влево от дороги стоял лес, тёмный и неприветливый; среди его голых ветвей ещё не было видно ни одного зелёного пятна, ласкающего глаз. По опушке бродила маленькая мохнатая и взъерошенная лошадёнка с подведёнными боками; рёбра на её остове вырисовывались так же выпукло, как обручи на бочке. Товарищи остановились и долго смотрели, как она медленно переступала ногами, наклоняя морду к земле, и, забирая губами жёлтые былинки, тщательно жевала их истёртыми зубами.

– Тоже отошала!.. – заметил Уповающий.

– Тпрусень, тпрусень! – поманил Пляши-нога. Лошадь взглянула на него и; отрицательно качнув головой, снова опустила её к земле.

– Не хочет к тебе, – пояснил Уповающий её утомлённое движение.

– Идём!.. Ежели её – татарам отвести – рублей семь дадут, пожалуй... – задумчиво проговорил Пляши-нога.

– Не дадут. Чего в ней!

– А кожа?

– Кожа? Так разве за кожу столько дадут? Трёшницу за кожу.

– Н-ну!

– А что? Ведь у неё какая кожа? Портянка старая, а не кожа...

Пляши-нога взглянул на товарища и, остановясь, сказал:

– Ну?

–хлопотно!.. – нерешительно откликнулся Уповающий.

– Чего там?

– Опять же следы... Земля сырая... видно будет, куда повели...

– Лапти наденем ей...

– Как хоть...

– Айда! Загоним её в лес и там в овраге дождёмся ночи...

А ночью выведем и сгоним к татарам. Тут недалеко – версты три...

– Что ж? – кивнул головой Уповающий, – пойдём! Синица в руки... Только бы не того...

– Ничего не будет! – уверенно сказал Пляши-нога.

Они свернули с дороги и, оглядываясь по сторонам, пошли к лесу. Лошадь посмотрела на них, фыркнула, взмахнула хвостом и снова принялась щипать блеклую траву.

На дне глубокого лесного оврага было сыро, тихо и су-

мрачно. Журчание ручья носилось в тишине грустной жалобой. С крутых склонов оврага свешивались вниз голые ветви орешника, калины, жимолости; кое-где из земли беспомощно торчали корни, вымытые весенней водой. Лес был ещё мёртв; сумрак вечера увеличивал безжизненное однообразие его красок, унылое молчание, притаившееся в нём, наполняло его мрачным и торжественным покоем кладбища.

Дружки давно уже сидели в тишине и сыром сумраке, под группой осин, съехавших вместе с огромной глыбой земли на дно оврага. Маленький костёр ярко горел перед ними, и они, грея над огнём руки, понемногу подбрасывали в него сучья, заботясь о том, чтобы огонь всё время горел ровно и костёр не давал дыму. Неподалёку от них стояла лошадь. Они окутали её морду рукавом, оторванным от лохмотьев Уповающего, и привязали её за повод к стволу дерева.

Уповающий, сидя на корточках, задумчиво смотрел в огонь и насвистывал свою песню; его товарищ, нарезав пучок ивовых прутьев, плёл из них корзину и, занятый своим делом, молчал.

Унылая мелодия ручья и тихий свист бездольного человека жалостливо плавали в безмолвии вечера и леса; иногда потрескивали сучья в огне, потрескивали и шипели, точно вздыхая, как бы сочувствуя жизни двух людей, более мучительной, чем их смерть в огне.

– Скоро мы пойдём? – спросил Уповающий.

– Рано ещё... Стемнеет совсем, тогда и пойдём!.. – отве-

тил Пляши-нога, не поднимая головы от своей работы.

Уповающий вздохнул и закашлялся.

– Ты что, озяб, что ли? – спросил его товарищ после долгой паузы.

– Не-е... скушно мне чего-то... Сердце сосёт...

– Болезнь...

– Надо быть, она... А может, что другое.

Пляши-нога сказал:

– А ты не думай...

– Про что?

– Да про всё...

– Видишь ты, – вдруг оживился Уповающий, – не могу я не думать. Смотрю я на неё, – он махнул рукой на лошадь, – тоже и у меня была такая... Замухрышка она, а в хозяйстве – первый винт! У меня одно время даже пара была... здорово я в ту пору работал.

– А что выработал? – холодно спросил Пляши-нога. – Не люблю я этого в тебе...

Заведёшь волынку и охаешь – а к чему?

Уповающий молча бросил в огонь горсточку мелко изломанных сучьев и стал смотреть, как искры летели кверху и гасли в сыром воздухе. Глаза у него часто мигали, по лицу бегали тени. Потом он повернул голову туда, где стояла лошадь, и долго разглядывал её.

Она стояла неподвижно, как вкопанная в землю; голова её, обезображенная повязкой, была понуро опущена.

– Рассуждать надо просто, – сурово и внушительно говорил Пляши-нога. – Наше житьё: день да ночь – и сутки прочь! Пища есть – хорошо; нет – попищи-попищи, да и перестань... А ты как начнёшь – слушать скверно. От болезни это у тебя.

– Должно быть, от болезни, – согласился Уповающий; но, помолчав, прибавил: – А может, – от слабого сердца.

– И сердце слабое от болезни, – категорически заявил Пляши-нога.

Он перекусил зубами прут, взмахнул им, со свистом разрезал воздух и строго сказал:

– Я вот здоров – и нет у меня ничего такого!

Лошадь переступила с ноги на ногу; затрещал какой-то сучок; в ручей посыпалась земля, вводя новые ноты в его тихую мелодию. Потом откуда-то вспорхнули две птички и полетели вдоль оврага, беспокойно цыркая. Уповающий посмотрел вслед им и тихо заговорил:

– Какие это пташки? Ежели скворцы, нечего им делать в лесу... Надо полагать, что это свиристели...

– А может быть, клесты, – сказал Пляши-нога.

– Клестам рано быть. И опять же он, клёст, в сосновом лесу вьётся. Здесь ему нечего делать... А это не иначе как свиристели...

– Ну, и пускай их!

– Конечно, – согласился Уповающий и почему-то тяжело вздохнул.

В руках Пляши-ноги работа подвигалась быстро: он уже сплёл дно корзины и ловко выводил бока. Он резал прутья ножом, перекусывал их зубами, гнул, вязал, быстро перебирая пальцами, и посапывал носом, ошетилив усы.

Уповающий смотрел то на него, то на лошадь, точно окаменевшую в своей понурой позе, то в небо, уже почти ночное, но без звёзд.

– Хватится мужик лошади, – вдруг заговорил он странным голосом, – а её и нету...

Туда-сюда – нет лошадки!

Уповающий развёл руками. Лицо у него было глупое, а глаза так часто мигали, точно он смотрел на что-то ярко вспыхнувшее пред ним.

– Это ты к чему? – сурово спросил Пляши-нога.

– Вспомнил я одну историю... – виновато сказал Уповающий.

– Какую?

– Да – так тут... случилось тоже вот, что лошадь увели... у моего шабра, – Михайлой его звали... большой такой был мужик... рябой.

– Ну?

– Ну, – увели... На озимях паслась она и – нет её! Так Михаила-то, как понял, что обезлошадел, да как грохнется наземь, да как завоет! Ах ты, братец ты мой, как это он завыл тогда!.. И упал... ровно ему ноги переломило.

– Ну?

– Ну... долго он, этак-то...

– А тебе что?

Уповающий при резком вопросе товарища отодвинулся от него и робко ответил:

– Да я так это – вспомнилось... Без лошади – зарез мужику.

– Вот что я тебе скажу, – строго начал Пляши-нога, в упор глядя на Уповающего, – ты это брось! Из такого твоего разговора толку не будет... Понял? Шабер! Михайла!

– Да ведь жалко, – возразил Уповающий, поводя плечами.

– Жалко? Небось, нас никому не жалко.

– Это что говорить!..

– Ну, и молчи... Скоро идти нам надо.

– Скоро?

– Ну да...

Уповающий подвинулся к костру, помешал в нём палкой и, искоса взглянув на Пляши-ногу, вновь погружённого в работу, тихо и просительно сказал:

– Давай лучше бросим её...

– Этакая подлая у тебя натура! – со скорбью воскликнул Пляши-нога.

– Да ей-богу! – тихо и убедительно говорил Уповающий. – Ты подумай, ведь опасно! Ведь версты четыре надо тащиться с ней... А как татары-то не возьмут? Тогда что?

– Это моё дело!

– Как хошь! Только лучше бы её отпустить... Вон она ка-

кая дохлая!

Пляши-нога молчал, только пальцы его двигались быстрее.

– Сколько за неё дадут? – тянул Уповающий тихо, но упрямо. – А теперь время самое хорошее... Сейчас будет темно, – пошли бы мы вдоль оврага и вышли к Дубёнкам... гляди, и поймали бы что-нибудь сподручное.

Монотонная речь Уповающего, сливаясь с журчанием ручья, сердила прилежного Пляши-ногу.

Он молчал, сцепив зубы, и от раздражения прутья ломались под его пальцами.

– Теперь бабы холсты белят...

Лошадь громко вздохнула и завозилась. Окутанная тьмой, она стала ещё более уродливой и жалкой. Пляши-нога поглядел на неё и сплюнул в костёр...

– Живность теперь тоже на свободе... гуси...

– Скоро ты весь вытечешь? – зло спросил Пляши-нога.

– Ей-богу!.. Ты не сердись, Степан, на меня... Бросим её к лешему! Право!

– Ты жрал сегодня? – крикнул Пляши-нога.

– Не... – сконфуженно ответил Уповающий, испуганный его криком.

– Ну, и чёрт с тобой! Сохни!.. А мне наплевать...

Уповающий молча посмотрел на него – он, собрав в кучу прутья, связывал их в снопик и сердито сопел. От костра на лицо его падал отблеск, усатое лицо было красно, сердито.

Уповающий отвернулся и тяжело вздохнул.

– Мне, я говорю, наплевать, – делай, как знаешь, – злобно, осипшим голосом заговорил Пляши-нога. – А только я тебе говорю, что, ежели ты так будешь крутить, – я тебе не компания! Ладно уж, будет! Знаю я тебя... вот что...

– Да – чудак-человек...

– Больше никаких!

Уповающий съёжился и закашлял; потом, тяжело дыша, он сказал:

– Ведь я почему? Потому, что опасно с ней...

– Ладно! – сердито крикнул Пляши-нога.

Он поднял прутья, скинул их к себе на плечо, взял подмышку недоделанную корзину и встал на ноги.

Уповающий тоже встал, посмотрел на товарища и тихими шагами пошёл к лошади.

– Тпру!.. Христос с тобой... не бойсь!.. – раздался в овраге его глухой голос. – Стой!.. Ну, иди! Н-но, дура-а!

Пляши-нога смотрел, как его товарищ возился около лошади, раскручивая тряпку с её морды, и усы вора вздрагивали.

– Иди, что ли! – сказал он, двигаясь вперёд.

– Иду, – ответил Уповающий.

И, пробираясь сквозь кусты, они молча пошли вдоль оврага среди ночной тьмы, наполнившей его до краев.

Лошадь тоже пошла за ними.

Потом сзади их раздался плеск воды, заглушивший мело-

дию ручья.

– Ишь ты, дура, – в ручей оступилась!.. – сказал Уповающий.

Пляши-нога сердито сапнул носом. Во тьме и угрюмом молчании оврага раздавался тихий шорох кустов, медленно уплывая вдаль от того места, где красная кучка углей костра сверкала на земле, как чей-то чудовищный глаз, злой и насмешливый...

Взошла луна.

Её прозрачное сияние наполняло овраг дымчатым сумраком; повсюду упали тени; лес стал гуще, тишина в нём полнее и строже. Белые стволы берёз, посеребрённые луной, рисовались на тёмном фоне дуба, вяза и кустарника, как восковые свечи.

Дружки молча шагали по дну оврага; идти им было трудно: ноги то скользили, то глубоко вязли в грязи. Уповающий дышал часто, в груди у него свистело, хрипело и взвизгивало.

Пляши-нога шел впереди; тень его высокой фигуры падала на Уповающего.

– Иди вот! – вдруг заговорил он ворчливо и обиженно. – А куда идти? Чего искать?

Уповающий вздохнул и промолчал.

– Ночь теперь короче воробьиного носа... придём в деревню к свету... И как идём?

Ровно барыни... прогулку делаем...

– Тяжело мне, брат!.. – тихо сказал Уповающий.

– Тяжело? – иронически воскликнул Пляши-нога. – А почему?

– Дышать мне очень неспособно... – ответил больной вор.

– Дышать? А отчего неспособно?

– От болезни...

– Врёшь! От глупости твоей.

Пляши-нога остановился, обернулся к товарищу и, помавав пальцем под носом у него, добавил:

– От твоей глупости дышать ты не можешь... да! Понял?

Уповающий низко опустил голову и виновато сказал:

– Конечно...

Он хотел ещё что-то сказать, но закашлялся, опёрся дрожащими руками о ствол дерева и кашлял долго, топчась ногами на одном месте, взмахивая головой, широко раскрывая рот.

Пляши-нога пристально смотрел в его лицо, осунувшееся, землистое и зеленоватое от лунного света.

– Всех ты леших в лесу перебудишь!.. – угрюмо сказал он наконец.

А когда Уповающий откашлялся и, закинув голову, вздохнул, он тоном приказа предложил ему:

– Отдохни!

Они сели на сырую землю, в тень кустов. Пляши-нога свернул папиросу, закурил, посмотрел на её огонь и медленно начал:

– Ежели бы у нас дома была какая-нибудь еда-то можно

бы нам и воротиться домой...

– Это – верно!.. – согласился Уповающий.

Пляши-нога искоса взглянул на него и продолжал:

– Но как дома у нас ничего – должны мы идти...

– Надо... – вздохнул Уповающий.

– Хоша идти нам и некуда, потому толку никакого не будет... Глупы мы, главная причина! До того мы глупы...

Сухой голос Пляши-ноги резал воздух и, должно быть, причинял большое беспокойство Уповающему: он всё возился на земле, вздыхал и странно урчал.

– А жрать мне хочется – страсть как! – закончил Пляши-нога укоризненно звучащую речь.

Тогда Уповающий решительно встал на ноги...

– Куда? – спросил Пляши-нога.

– Идём.

– Чего ты так? Вспорхнул...

– Идём!

– Пойдём... – Пляши-нога тоже встал. – Только без толку...

– Ладно, – что будет! – махнул рукой Уповающий.

– Расхрабрился!

– А как? Пилил ты меня, пилил, корил, корил, – господи!

– А зачем поступаешь зря?

– Зачем?

– Н-да!

– Да ведь мне, чай, жалко?

– Чего? Кого?

– Кого! Человека, чай...

– Человека? – протянул Пляши-нога. – Натё – возьмите, понюхайте да бросьте!.. Ах ты, добрая душа! Да он кто тебе, человек-то? Понимаешь ты это? Он вот поймаёт тебя за шиворот да, как блоху, – под ноготь! В ту пору ты его и пожалей... да! Тогда ты ему и обнаружь глупость-то свою. Он тебя за твою жалость – семью муками измучает. Кишки твои все на руку себе навертит... по верху в час жилы из тебя вытянет... Ах ты – жалость! Ты моли бога, чтобы без всякой жалости просто прикокнули тебя и шабаш! Эх ты! Чтоб тебя дождём размочило!

Жалость... тьфу!

Он был возмущён, этот Пляши-нога. Его голос, резкий, полный иронии и презрения к товарищу, гулко носился по лесу, и ветки кустов с тихим шорохом качались, как бы поддающаяся суровым, верным словам.

Уповающий медленно шагал дрожащими ногами, сунув руки в рукава своей куртки и опустив голову низко на грудь.

– Погоди! – сказал он наконец. – Чего уж? Я поправлюсь... Вот придём в деревню... я и пойду... один пойду... ты не ходи совсем. Стяну – что первое под руку попадёт... и домой!..

Придём – лягу я! Трудно мне...

Он говорил задыхаясь, с хрипом, с клокотанием в груди. Пляши-нога подозрительно взглянул на него, остановился, хотел что-то сказать, – махнул рукой и, ничего не сказав,

опять пошёл...

Долго шли молча.

Пели петухи где-то близко; собака провыла; потом печальный звук сторожевого колокола прилетел из дальней сельской церкви и утонул в молчании леса... Большим чёрным пятном в мутный лунный свет ринулась откуда-то большая птица, и в овраге зловещим звуком проплыл свист крыльев.

– Ворон... а то грач, – заметил Пляши-нога.

– Вот что... – заговорил Уповающий, тяжело опускаясь на землю, – иди ты, а я тут останусь... не могу я больше, – душит, – в голове круженье...

– Ну, – вот те раз! – недовольно сказал Пляши-нога. – Неужто так-таки не можешь?

– Не могу...

– С праздником! Тьфу!

– Ослаб я совсем...

– Ещё бы! не жрамши шляемся с утра.

– Нет, это уж – шабаш мне! Вон она, кровища-то, как хлещет!

И Уповающий поднял к лицу Пляши-ноги свою руку, выпачканную чем-то тёмным. Тот покосился на руку и пониженным голосом спросил:

– Что же будем делать?

– Иди ты, – а я останусь... Отлежусь, может...

– Куда я пойду? В деревню если – сказать им – человеку,

мол, плохо...

– Смотри, побьют.

– Это – как есть... Им только попадись!.. Уповающий откинулся на спину, глухо кашляя и выплёвывая изо рта целые шматки крови...

– Идёт? – спросил Пляши-нога, стоя над ним, но глядя в сторону.

– Шибко идёт, – еле слышно сказал Уповающий и закашлялся.

Пляши-нога цинично и громко ругнулся.

– Хоть бы позвать кого!

– Кого? – грустным эхом повторил Уповающий.

– А может, ты – встал бы, да и пошёл – помаленьку?

– Нет уж...

Пляши-нога сел около головы товарища и, обняв колени руками, стал смотреть ему в лицо. Грудь Уповающего подымалась неровно, с глухим хрипом, глаза провалились, губы как-то странно растянулись и как бы пристали к зубам. Из левого угла рта по щеке ползла живая, тёмная струйка.

– Всё ещё течёт? – тихо спросил Пляши-нога, и в тоне его вопроса было что-то близкое к почтению.

Лицо Уповающего дрогнуло.

– Течёт... – раздался слабый хрип.

Пляши-нога наклонил голову к коленям и замолчал.

Над ними висела стена оврага, изборождённая глубокими рытвинами от весенних потоков.

С вершины её смотрел в овраг косматый ряд деревьев, освещённых луной. Другой скат оврага, более пологий, весь порос кустарником; кое-где из его тёмной массы вздымались серые стволы, и на их голых ветвях ясно были видны гнёзда грачей... И овраг, облитый луной, был похож на скучный сон, лишённый красок жизни; а тихое журчание ручья ещё более усиливало его безжизненность, оттеняя тоскливую тишину.

– Умираю!.. – еле слышно шепнул Уповающий и вслед за тем громко и ясно повторил: – Умираю я, Степан!

Пляши-нога дрогнул всем телом, завозился, засопел и, подняв голову с колен, смущённо, тихонько, точно боялся помешать чему-то, заговорил:

– А ты не того, – не бойся! Может, это так просто, – ничего, брат!

– Господи Иисусе Христе!.. – тяжело вздохнул Уповающий.

– Ничего! – шептал Пляши-нога, наклонясь над его лицом. – Ты поддержишься немного...

Может, пройдёт...

Уповающий начал кашлять; в груди у него явился новый звук – точно мокрая тряпка шлёпалась об его рёбра. Пляши-нога смотрел на него и шевелил усами. Откашлявшись, Уповающий начал громко и прерывисто дышать – так, точно он из всех сил бежал куда-то. Долго он дышал так, потом заговорил:

– Прости, Степан, – коли что я... за лошадь вот... прости, браток!..

– Ты меня прости!.. – перебил Пляши-нога его речь и, помолчав, добавил: – Я, – куда я теперь пойду? И как быть?

– Ничего! дай тебе гос...

Он охнул, не докончив слова, и замолчал.

Потом начал хрипеть... Вытянул ноги... Одну из них отвёл в сторону...

Пляши-нога, не мигая, смотрел на него. Проходили минуты, длинные, как часы.

Вот Уповающий приподнял голову; но она у него тотчас же бессильно упала на землю.

– Что, брат? – наклонился к нему Пляши-нога. Но он не отвечал уже, спокойный и неподвижный.

Посидел ещё немного около товарища Пляши-нога, а потом встал, снял шапку, перекрестился и медленно пошёл вдоль оврага. Лицо у него обострилось, брови и усы оцетинились, шагал он так твёрдо, точно бил землю ногами, точно больно сделать ей хотел.

Уже светало. Небо серое, неласковое; в овраге царила угрюмая тишина; только ручей вёл свою однообразную, тусклую речь.

Но вот раздался шорох... Должно быть, ком земли покатился на дно оврага. Проснулся грач и, тревожно крикнув, полетел куда-то. Потом синица прозвенела. В сыром, холодном воздухе оврага звуки жили недолго – родятся и тотчас

же исчезнут...